

Анвар Исмагилов

**БАШНЯ
ПОЭТОВ
XXI**

Анвар Айдарович Исмагилов

Башня поэтов

Серия «Поэзия XXI века (Горизонт)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12055349

Башня поэтов. XXI / Анвар Исмагилов: Горизонт; Москва; 2015

ISBN 978-5-9907215-3-1

Аннотация

«Смятение» – одна из главных лирических песен Анвара Исмагилова, поэта и музыканта, писателя и бывшего военного моряка, участника легендарной поэтической «Заозёрной школы» (Ростов-Танаис), вошедшей в анналы ЮНЕСКО вместе с Башней Поэтов, названной так после завершения строительства её первым обитателем, автором этой книги.

Смятение волн любимого грозного моря и летящей над волнами души, непрерывный поход сквозь время и пространство от Овидия до Борхеса и современных ему друзей-поэтов, от Меотиды до стреляющих гор Чечни и Дагестана, любовь к женщине-подруге, спутнице, матери, предмету обожания и рыцарского преклонения – таковы родовые приметы стихов, песен и прозы – малых фрагментов многолетней поэтической и военной биографии автора, собранных под вечными зубцами «Башни Поэтов-XXI» в попытке описать и осмыслить события не

только личной жизни автора, но и грандиозных потрясений конца XX и начала XXI веков.

Эта небольшая книга станет значительным событием не только в частной жизни читателей, но и явлением в литературной жизни России и мест рассеяния наших бывших сограждан, знающих и любящих поэзию Непрерывной Птицы – так когда-то называли Анвара Исмагилова его почитатели. В полёт, друзья!

Содержание

Мифословие пред...	8
От автора башни поэтов – сооружения и книги	11
Стихи 1982-1989	16
Сибирские гекзаметры	16
К покупке абхазского вина «Лыхны»	19
Монолог мусоргского	22
Черная ночь	26
Второе посвящение Александру Брунько	28
Еще раз о брунько	29
Семейная жизнь	32
Мечтания о львовском погребке «Мюнхен» на тюменском Севере	35
Трактирная песня	37
Прощай, музыка!	39
Автоэпитафия,	42
Рок-монолог	44
Алиса Прекрасная	46
Оставила зонтик	47
Сонет пути к Елене Прекрасной	49
Сонет для уходящей в ночь	50
Сонет хранительнице дома	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

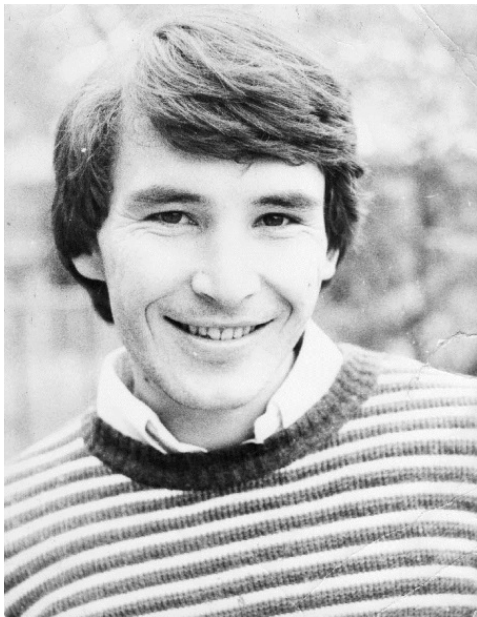

Випенеч.
А. Исмаилов, 1998 г.

Анвар Исмагилов
Башня поэтов. ХХІ
Сборник стихов,
песен и прозы

*Александру Виленовичу БРУНЬКО, научившему
жить и работать*

Мифословие пред...

В его невероятную биографию вместились бы десятки жизней; у него много лиц и имя, достойное русского поэта: Анвар Исмагилов.

Что за странная книга? То скоморошьи пляски летят со страниц и дразнятся лукавые частушки, то грустит задумчивая сонатина, а вот издалека раздаётся бравурный марш... и

вдруг стихают звуки: «Заповедаю вам – да любите друг друга...».

...жил в Италии такой граф, любитель соловьиного пения. Бывалыча, выйдет июньской ночью, заслушается, а они, проклятые, пускают струю, трели отливают, что твоё серебро на монету.

И до того он возлюбил соловьёв, что когда прилетели большенькие птахи Божьи, скопом завились, вихорь создавая, да запели небесным хором песню, то граф возрыдал безутешно:

– Охти, Господи, почему же я так не умею? – И призвал мажордома, старшего по дому, кто за пропитанием и порядком следит, и повелел:

– Ты, грит, безыскусный человек, Феличио, а я проникся. Слышишь, как птицы поют?

– Да как не слышать, уже все ветки скопом обсели да весь двор загадили, ажно в портике колоннов не видать из-за ихнего помёту.

– Эх ты, скотина мычащая, жалкий адамов огрызок, нечувственная душа! Ты вот что, как я проникся, так сполный мой приказ. Там у нас мятежники сидят, кои супротив голодухи восставали, так ты прикажи виселицу снести. да не скаль зубы, знаю, что с ними заодно, так и норовишь копытом лягнуть. Так чтобы крайнего позора на них не было, вешать не будем, бунтовщиков хорошо накормить, а Луиджи

пусть топор поострей наточит и головки им грешные отрубит. Без позору.

Феличио покивал да пошёл приказы сполнять. А вослед ему граф-то и кричит: а птиц этих пущай теперь учёные моей фамилией поименуют: *СВИРИСТЕЛЛИ*! Так и полетели они по белу свету, дудочки серебряные.

Любая поэтическая книга, пока её не откроешь, – убежище свиристелей, дремлющих на её страницах. Но стоит чуткому читателю позвать их, и фр-р-р-р! Зазвучат стихи, польется затейливая проза.

Читайте, не оставляйте птиц взаперти!

От автора башни поэтов – сооружения и книги

Что это за сооружение? Кто его строил и ЗАЧЕМ? На эти вопросы много ответов, но название говорит само за себя.

Народную стройку начала в Северном Причерноморье в середине 80-х годов XX века группа мужчин творческих профессий, как говорили в СССР, и их Прекрасных Дам. Была окончена она (вдвоём!) осенью 1986 года, когда автор этой книги вместе с директором музея-заповедника «Танаис» Валерием Чесноком всеми правдами и неправдами добывали последние кубометры камня и выкладывали зубцы на самом верху Башни.

Такова хронология. Хотя, по некоторым наблюдениям, во время строительства Башни происходили события, ставшие знаками общего распада и деградации советского общества. Весной 1986 года, когда автор прибыл с Севера Сахалина в Танаис, желая там навеки поселиться (и подлечиться – давал себя знать хронический бронхит, заработанный во время работы на «комсомольской стройке» – газопровод Даги – Оха – Комсомольск-на-Амуре), грянул первый гром: взорвалась Чернобыльская АЭС!

Вовсю бушевал антиалкогольный закон, обернувшийся массовыми отравлениями, гигантскими прибылями алкома-

фии, безудержным самогоноварением, что, впрочем, почти не замечалось обитателями Танаиса, при нужде умевшими раздобыть и мальвазию, и марсалу, и амброзию, дар небес. И было ощущение того, что внешний мир достигает Меотиды лишь полувнятным бульканием запретных радиоголосов. А ещё была комета Галлея, наводившая священный ужас на планету Земля своим вещим хвостом.

А на стройке всё шло по плану и чертежам, утверждённым заведомо античного мира Пушкинского музея Владимиром Толстиковым. Правда, Анвар Исмагилов, ездивший в Москву за документами, нарушил строгие предписания, протянул провода, подключился к свету, слушал «Радио Свобода», пил горячий чай и вообще начал жить сюзереном, пригласив на первый этаж своего вассала, Александра Брунько, цитату из книги которого мы приводим:

«...До ареста я жил в Танаисе, среди великой, неслыханной по красоте осени, на первом этаже невиданной башни, построенной археологами, музыкантами, художниками и просто энтузиастами – по образу и подобию древних сторожевых форпостов Танаиса. «БАШНЯ ПОЭТОВ» – так окрестил это немыслимое сооружение прекрасный поэт и певец Анвар Исмагилов, который занимал второй этаж. А рядом, на внезапном и крутом взгорье, рос огромный куст шиповника. Вот и запомнилось: тяжёлая, нет – золотая сентябрьская синь – в темно-красных звёздах, качающихся на колючих

ветках. Как-то, незадолго до моего ареста, одна из тамошних обитательниц-«танаятянок», прервав безмятежную беседу, вдруг – шутки ради – запела старую лагерную песню. От неожиданности сердце сжалось. Это было, повторяю, накануне моего, столь же внезапного ареста».

(«Поседевшая любовь», Ростов-на-Дону, 1990).

И вот мы с Сашей остались единственными представителями мужской части литературно-художественной банды, давно оседлавшей степное царство, но к тому времени по разным причинам оставившей привольные степи, поменяв их на затхлые коридоры и подвалы Ростова-на-Дону. Там, у Башни, под звёздным небом, мы вели долгие разговоры обо всём на свете, а на сто вёрст, кроме нас двоих, не было ни одного из тех, кто сейчас называет себя «заозёрщиками» – будто блатную кликуху себе дали! А Гена, Виталик и Игорь ушли в город, выйдя из резонанса с Чесноком – бывало и такое, что уж скрывать. Мы держались...

«Житьишко было само последно, ни постлатъ, ни окутать-ся, однако пензию получали – одну копейку в месяц», как говорил Борис Шергин. Нас посещали Музы... Мы были почти всегда (кроме дней посещений) голодны... и невиданно счастливы! Писали и читали друг другу стихи, цитировали самиздатовскую прозу, я писал и пел песни, одну из которых посвятили мы с Сашей его Музе на день рождения. По утрам я тренировался по старой привычке на тыльной стороне БП:

залезал на пальцах снизу до зубцов, и однажды так увлёкся, что не услышал, как подошла группа пионеров. Один из них заорал: «Гля, дяхан по стенке лезет, сичас звезданётся! Маргарита Трофимовна, отойдите, он на вас попадётся!». Заботливый, вишь ты...

А потом я поехал в Москву с концертами, а Саша заартачился: мол, машина экспедиции АН СССР идёт как раз на Москву, я лучше на ней поеду. И поехал. До ближайшей милиции: идёт по Ростову-на-Дону человек с бородкой, закутанный в одеяло, а подмышкой несёт рукопись. Его тормозят. У него, как ни странно, был даже паспорт с пропиской. Но когда менты прочли стихотворение «Через клизму», то один другому говорит: «Это не наш клиент, а соседней конторы». И сдали его в КГБ. Допросы, запугивания – ГОД тюрьмы! За нарушение паспортного режима!

Так закончилось наше недолгое поэтическое счастье. Я прожил тяжелейшую зиму в Танаисе, снега завалили все ходы-выходы. И была экспедиция, Дом Анвара, пиратский флаг на мачте с блоком, новые песни и стихи, а Саша, о котором я узнал только через несколько месяцев, сам находясь ПОД КОЛПАКОМ, в это время писал невиданную в русской литературе книгу – «на третьей шконке», как он сам мне говорил. Там была и «Античная баллада» – стихи, ставшие песней, а точнее, гимном свободе и любви, красоте и мужеству и всей нашей путаной, мутной, как воды Ганга, и столь же священной жизни.

Анвар Исмагилов, Тюмень, 19 августа 2012 года.

Стихи 1982-1989

Сибирские гекзаметры

Жану Жигулину из Чернигова

I.

Друг мой! Как я обещал, полыхает сибирская осень.
Щедрой рукой сентября награждён коммунизмовский двор.

Лаёт собачка вдали, предвещая конурные страсти.
Пусто в сухих небесах, и река все бледнее и гуще.
Превозмогая печаль, нужно плыть, не мечтая о сне,
нужно на пристань пойти, где скрипит костяком дебаркадер,
где навигаторы бьют молотками по летним гробам.
Там капитанит зима, теплоходы сгоняя в затон,
там керосинит подвахта, бутылки спуская в диван
(полны его закрома, как запасники русских музеев) —
будет что сдать по весне, молочка прикупив на колпит!

II.

Мост через реку Ладья, что зовут дилетантски ТУРА,
руку свою протянул, свою узкую спину подставил,
чтобы, веселья ища, двухэтажно-бревенчатый город

в тесных вонючих такси на Пески, трепеща, устремлялся:
чтоб на воде не гадать, там цыгане водярой торгуют.
– Памятник ставим Горбу, – говорят они, мзду собирая
за неумеренный пыл тех, кто пил, но доклады творил.

Синие с белым дворцы, просиявшие сквозь лихолетья,
грустно взирают на мир с правого берега Туры.
Левый заречный народ, прозябающий в микрорайонах,
башнями небо затмил и глотает машинного змея.
Змей, изрыгая дымы, рассекает пространство полей.
Тысячеглавый ревёт, и притихли суровые избы,
головы в плечи вобрав, выдыхая печные дымы.
Так проигравший войну, нахлобучив бессмертную кепку,
молча на танки глядит, на которых гогочут бойцы.

III.

Грустно тайге в берегах своего бессловесного моря.
Порчу и мор наведя, город воду протухшую пьет.
Летом горят небеса, ужасая последних животных,
в зиму дымят небеса, оскверняя доверчивый снег.
Осень сибирская, плачь, размазывай грязные слезы
по площадям, по щекам занесённых тобой городов.
Нищая телом страна богателя дурацкою думкой,
байки сменялись халвой, или просто халвы называньем.
Вечная осень во всем, вековечная плесень-тоска!
Эх, если б нам да кабы! – и топор завораживал блеском.
Дьявольская карусель однородно-пехотного шага.
Строем районы стоят, пришибеевский фрунт сохраняя.
Трудно в родимой стране быть двоюродным

полутворцом.

IV.

Осень сибирская, лей скупердяйского золота Солнца!
Осень сибирская, жаль, коротка ты, как жизнь или
смерть.

Синий последний денёк, синевою последней блистай!
Грозно пойдут облака, выжимая прижатое небо,
грянет смертельная стынь, примиряя со льдом Океан.
Что предвещает зима, что готовит Судьба-прохиндейка?
Новый народов раздор или вздор магазинных делёжек?
Будут ли снова стрелять или просто кого-то посадят?
Как ведь волков ни корми – у слонов очень толстые ноги.
Заднею лапою кот чешет брюхо в период простоя,
бурный народ-стрекоза красным летом воюет с собой,
крепкий запор у дорог, и пурген заряжают в патроны.

V.

Друг мой! Как я обещал, мы стоим на пороге прогресса.
Только вот наши грехи не пускают на этот порог.
Так и торчим посреди перекопанных нами просторов,
мимо плывут журавли в разрешённую нынче страну,
ветер гудит золотой, выдувая в трубу наши недра.
Осень везде и во всем. Золотая пора умиранья.
Хмурый осенний народ полудохлых считает цыплят.

*Октябрь 1989 года,
Тюмень, улица Пароходская*

К покупке абхазского вина «Лыхны»

Пройду голгофу очереди рваной
возьму вина в разверстом магазине
встряхну бутылъ и поднесу к глазам
и ахну:

Лыхны! Лыхны!

Боже мой!

Так вот когда назначено свиданье
вот где и как напостила она
блаженная Абхазия моя
о море Бзыби и священном дубе

И далее по тексту от Исаяи
по ерику по Ездрам по Бруньку
читай о путешествиях в пространстве
незамещённых минералах вод
привычное изгойство отторгай
а в общем пребывай в непостоянстве

Вот так всегда захочется скакать
но конь охрип иль конюх непогодит
на крыше серый неопылённый язь
разит на белый свет описторхозом
и выплывают из лесов клещи
с кусачими как лица хоботками

Плыви плыви кормилец первородный
по мутным водам Дании в бреду
великий свод великая прореха
сияет синим гневом над тобой
припавши к музыкальному привету
глотай последний в Сирии озон
на улице встречая непогоду
всей грудью непробитой до сих пор
пиликаешь на скрипке колыбельной
изрядно донимая слух больных

Итак вперёд по виа Виардо!
Наперебор наперекор борщу
бессонной жизни годы раздавая
на паперти в ладони лошадей
и маленьких котов с руками женщин
и цепких и вонзающих и нежных

бросай не на спор годы просто так
раздаривай пехотным капитанам
пропившим деньги взмыленных солдат
бог им простит а леший не прокусит
причаливай у каждого столба
под каждый кустик поднимая ногу

ЗДЕСЬ ВСЕ ТВОЕ НЕ БОЙСЯ И НЕ ЛГИ!

Оставь другим блаженные заботы
о стенах крышах детях и долгах

а сам ступай в невнятные просторы
где бродит полудиккенсовский дождь
в его тених еще блуждает лето

Тебе же нужен листолёт осенний
избушечный печной речной уют
свечной Олимп с улыбчивым котом
машинописный рай с огнём в стакане
твой филиал Абхазии блаженной
где фимиам воскуренный во славу
наполнит влагой тёмные глаза
где ты умрёшь от счастья и ненастья
и возродишься под летящим клёном
осенним утром в солнечном саду...

Монолог мусоргского

*Модест Великий умер в больнице под видом
денщика доктора Бертенсона*

Деревьями процеженное небо
струится по земле, сквозит и тает.
Ты Музыка, я композитор твой, —
я исполнитель дней твоих и таин.

О, как ты унижительна, Россия!
Как жить под этим небом необъятным?!
Как петь хотя бы день о полном счастье,
где места нет пусть солнечным, но пятнам?

Перед твоими, Мать, городовыми,
перед селёдкой иваси на сдобу,
при виде угорелых от дерябы
я даже не испытываю злобы!

Ты потчуеть нас розгами-долгами,
ты охраняешь мысли от свежатин —
то липа, то берёзовая каша,
на третье палконосные сержанты.

Невпрок идёт кровавая забава
и рыскаем по курсу влево-вправо.

Ты Музыка, я композитор твой.
Душа твоей пропитана отравой.

Ведь даже с чемоданом на граните,
имея в перспективе дождь и слякоть,
с озябшими от питья мозгами
не проклянёшь ни купол твой, ни лапоть!

Возможно, существует Ференц Лист,
придирчивая пенная Европа?
Кто в доме гений – я или Направник?
Хотя в зеркале не лицо, а рожа!

Есть химики упорного труда —
они свои высиживают формулы
и набивают на заду мозоль.
А я своих не предсказую фортелей!

И знаю – будет некий А. Брунько,
кто даже не рискует протрезвиться, —
вся жизнь, как перевёрнутый стакан,
такие же беспутные ресницы.

Все потому, что не умрёт со мной
бездонная отвага умиранья.
Разлитый по закусочным талант
куётся в круглосуточной нирване.

Пока в России осень и весна

сменяются, бушуют, возрождают,
пока звук полицейского свистка
свободы от побега ограждает,
пока цари ступают за царями
и водка свой не поменяла цвет, —
лишь цену с девятнадцатого века —
Талант горчайший оставляет след.

Наумов, потерпи ещё, голубчик:
«Хованщина», Арсений, поясница,
и нет ключа от дома, Дома нет...
Но что-нибудь до смерти прояснится.

Люблю я этих стасовских любимцев
за пышный вид и право исправлять:
макай меня в немецкую тарелку,
учи во фрунт гармонию равнять!

Прислушаюсь – какие ветры, Боже!
А черт за русской печью корчит рожи...
Арсений Голенищев есть поэт!
А песню смерти мне поют рогожи.

Кудлата голова моей Музыки,
сквозь волосы просвечивает небо,
и вспомоществованья ниоткуда.
Жил налегке... И ухожу нелепо...

Оплачь, Поэт, громадный этот храм!

Я был здесь архитектор и строитель,
и каменщик, и витражист, и служка.
Он был мне дом, любовь и вытрезвитель.

Безумцы одиноки. Их семья —
поэты, музы, дервиши, юроды,
художники, деревья, берега.

И крылья неосознанной Свободы!

Тюмень, декабрь 1989 года

Черная ночь

Да, все длится и длится позорная чёрная ночь!
И привставшая с пухлых колен непутёвая дочь,
ободранка-поэзия попкой виляет набитой
и варганит для мамочки-жизни побаски блатные,
и глотает вздох кратковременный воздух-напиток,
где блуждают нейтроны Свободы, введённой отныне.
Нет, позвольте мне в шабаш потентов не лезть и за
гривну!

Я киваю налево-направо с покорнейшей просьбой:
не тяните меня, я и так от морозов охрипну.
Лучше прежний шалаш, даровой, подзаборный,
подзвёздный,
чем участие в гонке талантов на приз Хлебодачи,
чем на новую партию граждан насытых батрачить!
Мои пальцы протёрты до дыр непокорной струной,
мои губы истерзаны ветром и женской любовью.
Я лечу над пропитой дотла подбугорной страной,
изумляясь привычке делить и охоте к разбою.

И все длится и длится почти предрассветная ночь!
Но Афина-Паллада забыла, как видно, дорогу,
и бездумная клака готова скандалу помочь,
если наш прима-бас поскользнётся на горсти гороху.
Скажем, спросят меня, что я делал, когда кто-то строил?
Отвечаю: не строил и сам я недорого стоил.

Руки дешёвы были, а ум продавался навывнос,
а от этих страстей и душа потеряла невинность.
Так скажите на милость: куда мы плывём и зачем?
Тонет пьяный корабль, и все громче кричит казначей.
На подмоченной куче бумаги портреты и цифры,
и все гуще потёмки, на картах лишь кляксы и шифры.
Но ласкает глаза многозначный зелёный бугор.

Ветер в небе полощет берёзу и шепчет в укор:
«Простодушная белая дева, ликуй невпопад!
Ты забыла, что августы смертны, и ждёт снегопад.
Так зачем ты купаешься в небе и облаке снежном?
Только горе бессмертно, а радость оплатишь листвой.
К ноябрю наготой затрепещешь в предзимье крошечном,
а что было в осеннем пиру – было, но не с тобой».
Так и я с перекатной отвагой лечу по России.
Небеса затмевают пожары гражданской войны.
Но за что б ни тянули к ответу и чем ни грозили —
я не буду двойным!

Тюмень, декабрь 1989 года

Второе посвящение Александру Брунько

Это весело, коротко, ясно
Александр Виленыч Брунько!
Это даже посмертно опасно
для Халупских и для Чесноков.¹

То отчаянный, то одичалый,
в бормотанье, как в смерть, погружен.
Всей корысти – заварка да чайник.

В небо глянул, взлетел – и пошёл!
И откуда Вийона замашки
при бородке и чуть не пенсне —
вы спросите в степи у ромашки
и на Кировском. На КПП.

¹ Халупский – удивительно плохой поэт донского типа. Чеснок – удивительно хороший директор музея-заповедника «Танаис», единственный свидетель обвинения в тунеядстве на процессе 1 апреля (!) 1987 года. Считается культуртрегером и интеллигентом из народа. Из-за него Саша получил год тюрьмы и отсидел от звонка до звонка. КПП на Кировском проспекте – тюрьма в центре Ростова-на-Дону, где шли допросы, встречи с Чесноком и впоследствии с куратором КГБ.

Еще раз о брунько

Где ты, Саша-Александр?
Жив ещё немножечко?!
Сколько раз ты воскресал
лезвием из ножичка!

С хороводами светил
песни пел и бражничал:
лихо Бог тебя слепил,
не мудрил, не важничал.

За версту видна фирма
гордеца российского,
нет, не вышибла тюрьма
звёздного и чистого.

Был ты грозный диссидент,
бубен Солженицына,
а теперь ты отсидент —
отвали, милиция!

Перестроим всю страну
справа по два – ротами!
Перекрасим старину
с бабохороводами.

Обнимайся, коммунист,
с дьяконом и батюшкой —
ты теперь морально чист,
приумолкла варежка.

Разбегайся, кто куда,
член с корреспондентами!
Пятый год идёт орда,
в лозунги одетая.

Нам же, милый Александр,
хлебушка да небушка,
древний башенный фасад...
И как пела девушка...

Беззаботен был наш чай
пред бедой грядущей.
Кто продаст — поди узнай,
все под Божьей руцею.

По воде пошли круги —
счастье камнем кануло.
Где-то подпись есть руки,
плоской, словно камбала.

Где же свидимся, мой друг,
в матушке-Рассеюшке?
Боль былого, дым разлук
разведёшь, рассеешь ли?

До свиданья, как всегда!
Может быть, до скорого...
Вся История – вода
в протоколе участкового!

*20 декабря 1989 года, Тюмень, улица Пароходская, 34,
кв. 1 (конспиративная квартира Тюменской организации
РСДРП (б) в 1904–1909 гг.)*

Семейная жизнь

Пьеса-диалог

Kate

Она:

Ах ты, клистирная трубка!
Ах ты, заморыш чердачный!
Веялка ты, молотилка,
уши торчат, как у зайца,
зенки ну точно коровьи,
норовом ты в бригадира,
а по зарплате ты сторож!
Выпить и то не умеешь —
сразу бежишь к унитазу...
Куришь, как два паровоза,
трубку сосёшь, как младенец.

Что ты опять там задумал?!
Что ты уткнулся в роман свой?!
Тоже мне, Бродский Эмильич,
старший отец Пастернака!
Восемь рублей до получки,
Пашка порвал на заборе
школьную форму, поганец!
Каша опять подгорела...

Что ты молчишь?

Отвечай мне!!! Любишь меня или нет?!

Он:

Солнце моё золотое!

Мой одуванчик весёлый,

деточка, ласточка, дочка,

скоро настанет погода,

та, что ты любишь, я знаю —

будет сиять на закате

жёлтое мягкое солнце...

Ты ведь такая же, правда?

Помнишь восьмое апреля

семьдесят пятого года?

Дай поцелую тебя!

Оба: (тихо поют, обнявшись)

Все в этом мире проходит,

только не мимо, а вместе,

мы погружаемся в воды

тихих вечерних созвездий.

Там, на краю Океана,

лунная в небо дорога.

На одеялах тумана мы уплываем далёко...

Здравствуй, планета Любовь!

Южноуральск, ДК ГРЭС, июль 1989 года.

Мечтания о львовском погребке «Мюнхен» на тюменском Севере Стихотворение в прозе

Сергею Дмитриовскому

попьём пива, друг!!

попьём холодного, а, друг?!

попьём так, чтобы туфли к полу прилипали?!!

попьём пеноструйного, многобъёмного, густоваренного, рыбобпросящего, осуждаемостойкого, болеутоляющего, хриплоголосящего, мирнобеседного, водкопротивного, сессионностуденческого, бедноутешающего, ценодоступного, северяномечтаемого, непонимаемого никем?!

попьём пива, мой друг, скушаем с ним в обнимку лещика счастливодобытого,

и вразвалку придём домой, а там задремлем, и завалимся спать, и уснём, и приснится нам Большая Кружка, и Большой Лев, и Золотая Струйка, от чего проснёмся в испуге, и совершим то, что положено мужчинам, и заснём ещё крепче, ибо день предстоящий к вечеру, а может, и с обеда, принесёт нам ещё его же, ненадоедающего, поископотного, трудовенчающего, народолобивого, похмелоутешительного, дочетырехпятидесятибутылканаСеверстоящего – сам видел!!!

Нижневартовск Тюменской области, август 1989 года

Трактирная песня

Поговорим же о вещах нейтральных,
поговорим бессмысленно и томно,
пусть Гераклит побудет с нами Тёмный,
а звёзды сядут светлячками в травах.

Но знаю – мы говорить не будем
ни о любви, ни о священном даре,
и брошу я пассажи на гитаре,
и все людские игры брошу людям.
Так прочь, любовь!
Займёмся низким блудом!
И оттого отчаянно и пьяно,
шарахнув крышкой по фортепиано, —
бокалы оземь и в трактир Тальони!
Ночь на запятках – ветер не догонит.

И там, среди мерцающего пара,
где неприлично плачется гитара,
и там, где шлюхи с мокрыми губами
сощурясь, ищут тех, кто гулеванит, —
в дыму табачном, вымазаны краской,
интересуют лишь одной развязкой, —

там, посреди кладбищенского звона
бутылок, рюмок, подвигов кабацких,

где пятый литр потребует догона,
где хлопец хищной рыночной закваски
стаканы полнит, восхищаясь словом,
сверкая жидких глаз холодным оловом, —
там, посреди родных алкоголичек,

среди пернатых деток Бабарынки,
я захлебнусь «трёхбочкой» и «столичной»
и прокляну наветы Бабарихи,
что дует в уши вечной серенадой:
— оставь её, найдём тебе что надо!

Я выйду в ночь и захлебнусь морозом,
осатанев от пира привидений,
и зашатаюсь баковым матросом,
заслышав зов сирены в дивной пене...

Прощай же, остров сновидений тайных!
Поговорим же о вещах нейтральных...

Тюмень, ноябрь 1989 года

Прощай, музыка!

Сергею Вахотину

В мире блестящих падений и взлётов,
в мире даров нищеты панибратству
мы проживаем ни шатко ни валко,
мы говорим новым бедствиям «здравствуй!»
В мире дорог, не ведущих ни к Риму,
ни в Уругвай, ни тем более в Ниццу —
пареной репы забыв простоту
и витамины – вгрызаемся в пиццу,
псевдошашлык и почти колбасу.

Господи, уши мои ослабели!
Мне да простится – привык с колыбели
к ангелу Моцарту, рыцарю Баху...
Радио шваркнет – шарахнусь и ахну!
Эти назальные мне вокализы,
эти назойливые катаклизмы!
Эти клубы квазидыма Отечества...
Тоннами давит звук человечество.

О, киловатт, килобайт, килофон!
Палочки – звук, голова – ксилофон!

Мы опускаемся тихо на дно

мутных морей первобытного звука.
Весело, братья, и воешь, как сука
в лунный мороз перед смертью в окно.

Что навевают тебе, милый мой,
нежного возраста сын-преуспешник, —
вайкулефорумысамковыйлай?!
Кончена свадьба. Убит пересмешник.
Рай в небеси. Можжевеловый рай.

Музы кабацкия. Канты блатные.
Нынче и струны почти золотые.
Лабух парнос² заменит Парнас,
в кепке таксиста гарцует Пегас.
Слышишь, братан, я играю бесплатно,
слушай меня, я остаток таланта.
Слышишь меня? Но залеплены уши
пластырем-плеером – рёвом насущным.

Голос поэзии вял и лукав,
хитротуманен и полон забав,
и не дай Бог ей ввязаться в борьбу —
вкусы вправлять – вылетает в трубу.
Массовый Васька, глодая голяшку,
слушает повара, дрыгает ляжкой,
плотно икает, прилежно сопит,
кушая Музыку, вежливо спит!

² парнос – музыка в ресторане за деньги.

Ангел мой Моцарт, библейский мой Бах,
бедный мой Шнитке, герой заграничный.
Я на поляне лежу земляничной.
Небо ржавеет, как гвозди в гробах!
Древо культуры дотла облысело.
Реки Земли умирают, скорбя.
Выжат Коровьев, сидит Азazelло.
Осень России пошла с Октября.

**Автоэпитафия,
Написанная по дороге в
редакцию журнала «Уральский
следопыт», где я играл на
американском органе прошлого века**

Лязгнет вечер затвором,
ночь навалится с бритвой.
Я умру под забором,
нелюбовью убитый.

Я умру под забором,
в лоне жизни бродячей,
с окровавленным горлом,
рядом с маршальской дачей.

От сарматского Дона,
до болот Сахалина
шёл я вечно влюблённый,
глаз востря соколиный.

Если все мои дети
соберутся у морга,
вы поймёте: в поэте

плодотворного много!

Мои девушки вскрикнут,
в липком горе забьются —
страдиварьеву скрипку
раскололи, как блюдо.

Кто их в озеро сманит
речью пылкой и вздорной,
красоту их восславит
покаянно и гордо?

Мои бедные песни!
Кем меня заменить им?!
Я умру неизвестным,
а проснусь – знаменитым!

Рок-монолог

Рельсы плюс миллиард – равняется БАМ!
Крик умножить на шум – равняется гам!
Вот кончается век – а что нас ждёт там?!
У последней реки я поставлю вигвам.

Радиоволны взбивают пену из слов,
а в сетях сатаны обильный улов.
По участкам и улицам – звон кандалов,
в нас стреляют, но мы упрямей ослов —
и ни с места!!!

Но я знаю – все это лишь пыль на дорогах веков!
И я знаю – весь этот металл лишь для новых оков!
И я знаю – все это растает быстрее облаков!
Не гневите богов! Не гневите богов! Не гневите богов!

Дети смотрят назад и видят там ад!
Деды смотрят вперёд, разинувши рот.
Я по глупой привычке смотрю на восход.
Дятлы справа и слева – кто их разберёт?!

Я гитару беру, не холоп и не смерд!
Песня – письмо во Вселенную, я же – конверт.
Пой, пока не сгорела небесная твердь!

Но я знаю – и это лишь пыль на дорогах веков!
И я знаю – весь этот металл лишь для новых оков!
И все это растает быстрее дождевых облаков!
Не гневите богов! Не гневите богов! Не гневите богов!

Южноуральск, июль 1989 года

Алиса Прекрасная

Сколько бы этот безудержный день ни продлился,
Сколько бы мороков, бед и гибели явной
Ни навалилось – хоть в самый бы ад провалился! —
Вынесу все, лишь бы знать, что лисёнок Алиса
Звякнет звонком, дёрнет гордо главою державной,
Золотом царских волос ослепляя квартиру,
Смехом округлым рассыплет брильянты и злато...

Ах, оттого поведение моё столь спортивно —
В речи и мыслях сплошные кульбиты и сальто!

Девушка, кто ты, разбойница ты или Сольвейг?
Улицу пыльную пряные ветры качают.
В сон ли уйду – попадаю в густой Алисовник,
Лес, где деревья и птицы Тебя означают!

Как я теперь понимаю троянские распри:
Видел я многое, странствуя дольше Улисса,
Но и Елены Прекрасной Ты все же прекрасней!
Глупости, скажете...
Но вы взгляните – Алиса!

Челябинск, шоль 1989 года

Оставила зонтик

Не поминайте имя

Вот зонтик твой, в углу оставленный —
и горло певчее сжимается.
Рвёт ветер пастию оскаленной, —
где ж милая моя скитается?

Чем от нашествия небесного
она укроет русы волосы?
Какие сабельные бедствия
в краю болотном, дикой области!

Ты обжигаяще доверчива,
а я такой не стою участи, —
моя судьба со смертью венчана,
и лучше в одиночку мучаться.

Но и на том краю, где спросится:
— С кем хочешь вечного свидания?
Взгляну, как облака проносятся,
и вспомню наши встречи тайные,

и наши судороги пламенные,
и наши обмороки гибельные,
и речи сказочно-неправильные,

и твои плечи бело-кипельные.

Так, глядя прямо в очи Господа,
вздохну и выдохну отчаянно:

– Прости меня, владетель Космоса,
я сохраню о ней молчание...

Тюмень, октябрь 1989 года

Сонет пути к Елене Прекрасной

Семь нот ведут к тебе, ступеней семь бессмертных.
Семижды семь грехов хотя бы раз прости.
На парусах любви волшебные кресты,
но кораблей моих не ждут в порту Бизерты.

Мне ведомы давно отравы и десерты,
дрожащий чайный хмель и алкогольный стыд,
надсада табака и гиблый пот простынь,
беззвучные стихи и громкие концерты.

Рождённый меж песков пустыни бесконечной,
возрос на берегах курортницы беспечной.
Любя эвксинский понт, пижонил и болтал.,

по белу свету плыл, то в муках, то смеясь,
и вот я пред тобой, целуя пьедестал.
Познаю ад и рай, их горестную связь.

Сонет для уходящей в ночь

Тебе ли не понять безумие моё,
где буйствует одно восторженное сердце!
Густеют холода. Вовеки не согреться.
На шёлковых крылах ликует воронье.

По всем семи кругам настойчивого ада
блуждает тень моя – покамест без меня.
Прошу тебя, молю, – не прибавляй огня,
не оставляй сего заброшенного сада.

Пусть прочие тебе завидуют цветы,
владельцы языков, досель немилосердных!
В кольце моих забот, сердечных и усердных,

мой нежный георгин, поднимешься и ты.
Древнейшим языком любви поют листья.
Семь нот ведут к тебе, ступеней семь бессмертных.

Сонет хранительнице дома

Парадный этот строй лирических страниц
ты возглавляешь – маршал, куропатка,
хранительница дома и порядка,
к твоим стопам я припадаю ниц.

Я слышу, не дыша, – оленьими ногами
ступаешь по земле, накрытой облаками, —
бездонная душа, подлунная, нагая.
Есть тайна у меня – волшебно возникает

загадочный твой лик в золотой портретной раме, —
вот весь секрет любви, чудесной, небывалой,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.